

А. В. Калашников¹

ЕВАНГЕЛИЕ В ПЕРЕВОДЕ Л. Н. ТОЛСТОГО — ОПЫТ ПЕРЕДАЧИ С КУЛЬТУРЫ НА КУЛЬТУРУ

Л. Н. Толстой, внимательно и критически изучавший христианское религиозное учение, создал собственный перевод Евангелия. Это произведение-исследование, озаглавленное «Соединение и перевод четырех Евангелий», — единственная работа писателя, в которой он касается вопросов лингвистики перевода. В своей версии Евангелия он критикует официальный Синодальный перевод и в комментариях указывает на недостатки, вызванные противоречивостью изложения, неточностью значений, архаичным языком, сложным для понимания в крестьянской среде.

Книга «Соединение и перевод четырех Евангелий», оказавшаяся незаслуженно забытой, рассматривалась преимущественно с религиозной, но не с филологической точки зрения и, конечно, не с позиций теории перевода. Необходимо отметить, что в теории перевода имя Л. Н. Толстого не упоминается, хотя его можно назвать единственным выдающимся писателем, переводившим Евангелие.

В статье рассматриваются основные характеристики перевода и приводятся комментарии Л. Н. Толстого, адаптировавшего текст для крестьянского населения, тем самым осуществившего попытку передачи социокультурной составляющей религиозного текста, а также проводятся аналогии с положениями, представленными в работах Ю. Найды (1914–2011), создавшего современную теорию перевода на основе изучения переводов Библии.

¹ Доцент кафедры английского языка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат филологических наук. Автор 19 научных публикаций, в т. ч.: «Мнемонические сокращения и фразы в преподавании юридического английского языка», «Современное договорное право Великобритании и влияние на него судебных решений Альфреда Деннинга», «Лингвист Юджин Найда», «Традиции и подходы к переводу характеристических имен в литературе», «William Makepeace Thackeray and Fyodor Mikhailovich Dostoyevsky: Name sensitive Authors. In Homage to Great Novelists» и др.

Перевод, с точки зрения Ю. Найды, должен быть ориентирован на содержание и естественность, а не на формальное сходство и быть понятен реципиенту, вызывать у него определенные эмоции. Ю. Найда охарактеризовал два основных способа перевода — формальную и динамическую эквивалентности. При этом предпочтение отдается именно динамической эквивалентности, поскольку она основывается преимущественно на синтаксической и семантической составляющих, таким образом подчеркивается важность структуры фразы и понимание текста. Синтаксическая составляющая основана на теории порождающей грамматики, а семантическая — на компонентном анализе значения и прагматической адаптации².

К основным особенностям перевода Евангелий Л. Н. Толстым в сопоставлении с Синодальным переводом относятся: I — пропуски текста; II — замена лексики церковнославянского языка; III — замена синтаксических конструкций; IV — прагматическая адаптация реалий.

I) Пропуски текста — неотъемлемая характеристика перевода Л. Н. Толстого. Писатель пропускает слова, фразы и стихи. Объяснения следующие: фраза или стих непонятен, компонент отсутствует в библейском тексте или имеет разночтения. Опускаются подробности, поскольку они затрудняют понимание основной мысли и отвлекают внимание или нарушают связность текста.

Характерны пропуски элементов текста, указывающих на время. Неупоминание точных указаний на время можно объяснить скептическим отношением к подлинности Евангелия. Л. Н. Толстой часто игнорирует подробности, которые, например, «могут быть выпущены для того, чтобы читатель не терял существенного

² См.: *Nida E., Taber Ch. The Theory and Practice of Translation. Leiden, 1969. P. 27.*

смысла»¹. Так, в беседе с самарянской, у которой Иисус Христос попросил воды из колодца Иакова, пропускается указание на час:

Ин. IV: 6: Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа (Синодальный перевод); *Иисус уморился от дороги и сел у колодезя* (Л. Н. Толстой²).

II) Замена возвышенной и устаревшей лексики церковнославянского языка на нейтральную: *питие* — *питье*³, *око* — *глаз, очче* — *батюшка, возжаждать* — *захотеть пить, сие* — *это, дабы* — *чтобы, доколе* — *когда*.

Относительно возвышенного стиля, свойственного церкви, нужно заметить, что Л. Н. Толстой выступил против намерения священнослужителей. Литературное редактирование Синодального перевода, выполненное московским митрополитом святителем Филаретом (Дроздовым), было безупречно в передаче тонких и точных оттенков смысла, но в большинстве случаев митрополит сознательно вносил элементы церковнославянского языка, чтобы избежать полного разрыва между русским и привычным для литургического употребления церковнославянским текстом Библии.

III) Изменение синтаксических конструкций представлено заменой:

а) причастий в функции существительных на определительные придаточные предложения, вводимые сочетанием *«тот, кто»: просящий* — *тот, кто просит; верующий* — *тот, кто верит*;

б) устаревших элементов синтаксиса: *и подошед* — *и подошел; я есмь хлеб* — *я хлеб; и не нашедши его возвратились* — *и не нашли, и вернулись*.

В синтаксисе отмечается тенденция к выбору наиболее приемлемой для бытового языка конструкции. Писатель пытался избегать любой многозначности, встречающейся при копировании синтаксиса языка иного строя.

IV) Прагматическая адаптация реалий. Межкультурная прагматическая адаптация в переводе Л. Н. Толстого представлена в основном передачей реалий и имен собственных.

Относительно передачи неизвестных реалий можно отметить замену в одноименной притче *«зерна горчичного»* на *«зерно березовое»* (Лк. 17: 5). Эту замену Л. Н. Толстой объясняет тем, что такое зерно не мо-

жет восприниматься как образ самой маленькой вещи. Следовательно, зерно березовое в крестьянской среде должно было быть понято лучше⁴.

Греческие денежные единицы преимущественно переданы при помощи более понятных аналогов: динарий — деньги, кодрант и ассарий — копейка, драхма — гривна.

Л. Н. Толстой одним из первых переводчиков начал учитывать контекстуальное значение имен собственных и способы их перевода. Для Библии проблема передачи имен собственных весьма актуальна еще и потому, что большинство из них отражает характеристики носителей.

Встречающаяся в Библии конструкция с именами собственными, прежде всего с антропонимами, раскрывающая значение имени (*и назвал..., ибо...*), представляет собой проблему перевода Библии, поскольку при отсутствии дополнительных пояснений не позволяет понять выбор имени.

Мф. I: 21: Родит же Сына, и наречешь ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их (Синодальный перевод). *И она родит сына, и назовешь его Иисус, что значит спаситель, потому что он спасет людей от грехов их* (Л. Н. Толстой⁵).

Проанализировав перевод и комментарии Л. Н. Толстого, нужно отметить, что некоторые толкования писателя выглядят надуманными. Стремление к созданию народного языка привело к использованию просторечной и малоизвестной лексики: *животы, кистерь, лопать, рожки, цабан*.

В то же время заслуга Л. Н. Толстого заключается в том, что он предвосхитил основные идеи лингвистической теории перевода (семантики, синтаксиса и прагматики), в частности, путем адаптации реалий и имен собственных для читателей — представителей крестьянской среды. Именно эти аспекты, получившие свое развитие в середине XX века в работах Ю. Найды, остаются центральными в теории перевода.

В своем переводе великий писатель коснулся проблем адаптации текста, изображающего культуру и быт другого народа, жившего около двух тысяч лет назад. Таким образом, в переводе Л. Н. Толстого прослеживается реализация сверхзадачи, заключающейся в сближении культур текста оригинала и перевода.

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 91 т. М., 1957. Т. 24 : Произведения 1880–1884 гг. С. 127.

² Там же. С. 126.

³ Здесь и далее первым указывается вариант Синодального перевода, а затем — вариант перевода Л. Н. Толстого.

⁴ Толстой Л. Н. Указ. соч. С. 528.

⁵ Там же. С. 47.